

Митрополит Антоний Сурожский

ЛЮБОВЬ
ВСЕПОБЕЖДАЮЩАЯ

Проповеди,
произнесенные в России

митрополит Антоний Сурожский

**Любовь всепобеждающая.
Проповеди,
произнесенные в России**

Православное издательство "Сатись"

1994

Сурожский м.

Любовь всепобеждающая. Проповеди, произнесенные в России /
м. Сурожский — Православное издательство "Сатись", 1994

ISBN 5-7373-0048-X

«Быть христианином – это быть подвижником; и однако самим нам спастись невозможно. Наше призвание настолько высоко, настолько велико, что человек своими силами не может осуществить его. Я уже говорил, что мы призваны быть как бы привитыми к человечеству Христа, как веточка прививается к животворному дереву – с тем, чтобы жизнь Христова была ключом в нас, чтобы мы были Его телом, чтобы мы были Его присутствием, чтобы наше слово было Его словом, наша любовь – Его любовью, и наше действие – Его действием». Митрополит Антоний Сурожский В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

ISBN 5-7373-0048-X

© Сурожский м., 1994
© Православное издательство
"Сатись", 1994

Содержание

От издателей	6
Любовь всепобеждающая. Слово, произнесенное 30 ноября 1966 г. в храме святителя Николая, что в Хамовниках (Москва)	7
Свидетельство о воскресении. Слово на всенощной в храме святителя Николая, что в Хамовниках (Москва), в субботу 25 мая 1968 г.	10
Господь нам завещал радость... Слово, произнесенное 26 мая 1968 г. в храме св. пророка Илии, что в Черкизово, (Москва), после приветствия настоятеля	12
Радость разлуки. Слово, произнесенное 29 мая 1968 г. на всенощной под праздник Вознесения Господня в храме свв. мчч. Адриана и Наталии в Бабушкино (Москва)	14
Вознесение Господне. Слово, произнесенное 30 мая 1968 г. в Успенском соборе Свято-Троицкой Сергиевой лавры на торжествах по случаю 50-летия восстановления патриаршества	17
«...Останется одна любовь» Слово, произнесенное 31 мая 1968 г. за литургией в храме свт. Николая, что в Хамовниках (Москва)	20
Слово о предтече произнесенное за всенощной 1 июня 1968 г. в храме св. Иоанна Предтечи, что на Красной Пресне (Москва)	22
Ответ всей земли. Слово, произнесенное 20 сентября 1968 г., на всенощной под праздник Рождества Пресвятой Богородицы, в Успенском храме Новодевичьего монастыря (Москва)	25
Слово, произнесенное на панихиде по отцу Николаю Голубцову 19 сентября 1968 г.	26
Малая Пасха. Слово, произнесенное в субботу после всенощной 14 сентября 1968 г. в храме святых апостолов Петра и Павла, что в Лефортово (Москва)	28
Путь Христов. Слово, произнесенное на литургии 15 сентября 1968 г. в храме свв. апостолов Петра и Павла, что в Лефортово (Москва)	30
«Воскресение Христово видевше...» Слово, произнесенное на всенощной в субботу 20 декабря 1969 г. в храме свт. Николая, в Кузнецях (Москва)	32
Вера в человека. Слово, произнесенное в воскресенье 21 декабря 1969 г. в храме святителя Николая, что в Хамовниках (Москва) после литургии и приветствия о. настоятеля	34
Нечаянная радость. Слово, произнесенное на всенощной под праздник иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» 21 декабря 1969 г. в храме св. мч. Феодора Стратилата (Антиохийское подворье в Москве)	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

митрополит Антоний Сурожский
Любовь всепобеждающая.
Проповеди, произнесенные в России

© Митрополит Антоний Сурожский, текст, 1994

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление, 1994

От издателей

Отвечая однажды на вопрос, сколь продолжительна должна быть проповедь, митрополит Антоний сказал: «Если посещаешь какой-нибудь приход, где не бывал и больше не будешь, тогда можно говорить несколько пространнее; или когда случай такой, что надо сказать все, что есть».

Так вот, в этой книге собраны проповеди, в которых Владыка стремился сказать «все, что есть»: это проповеди, произнесенные им в России, в разные его приезды. Как ждали этих приездов здесь – помнят многие; как стремился в Россию Владыка – неоднократно говорил он сам: «Я еду всегда с чувством благоговения: что я буду ходить по Русской земле, что я буду с русскими людьми, что я приезжаю /.../ к себе на Родину /.../ и что в зависимости от обстоятельств я смогу или что-то делать, или очень мало что делать».

Делал Владыка столько, что всякий раз уезжал из России в полном физическом изнеможении: здесь он отдавался, выкладывался до конца. Все помнят, как зажат и бесправен был еще совсем недавно церковный народ в России; тем жаднее воспринималось благовестие любви и свободы, которое нес Владыка Антоний. Он приезжал не поучать нас: он щедро делился с нами огненной силой своей веры и надежды.

По его словам, он и сам черпал силы от общения с этим верующим народом, хотя его отношение к России свободно от сентиментальности и иллюзий насчет будто бы утраченной «Святой Руси». В каждом человеке он умеет видеть образ Божий, пусть изуродованный жизнью и грехом; так и в нашей церковности, лишенной крыльев, он прозревал неодолимое присутствие Христа и Его силы, И как старался он вдохнуть в нас бесстрашие, разомкнуть нашу закрытость от окружающего и как бы враждебного «мира»! И все это – через раскрытие нам евангельского свидетельства о крестной любви Божией: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин. 3, 16–17).

Это свидетельство крестной любви и радости ее победы над всем, в первую очередь ее победы в самом человеке, мы и предлагаем читателю. Будем надеяться, Владыка еще посетит Россию; но придет он уже в другую страну. Но и сейчас не меньше, чем прежде, России нужно трезвое слово митрополита Антония, произносимое им из глубин общения с Живым Богом, Который есть Любовь.

В Россию Владыка Антоний приезжал, начиная с 1960 года, то ежегодно, то с большими промежутками. К сожалению, насколько нам известно, записей проповедей первых приездов не сохранилось. Заглавия проповедам даны издателями для удобства читателя. В заключение мы сочли нужным присовокупить слово, сказанное митрополитом Антонием в собрании Московской Духовной Академии при вручении ему (в 1983 г.) почетного диплома доктора богословия. Это, так сказать, исповедь его как проповедника. Докторский диплом Владыка получил от Академии «за совокупность научно-богословских, пастырских и проповеднических трудов». Эту степень он имеет и от Абердинского университета «за проповедь слова Божия и оживление духовной жизни» в Великобритании.

Любовь всепобеждающая. Слово, произнесенное 30 ноября 1966 г. в храме святителя Николая, что в Хамовниках (Москва)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Старец афонский Силуан писал: «Сердце рвется сказать; ум недоумевает, как сказать; слезы не дают сказать, как нас много любит Господь». И то же чувство овладевает человеком, когда он переживает и человеческую, братскую любовь – любовь, которая основана на Христе. Иоанн Златоустый говорит: не бывайте ни в чем должны друг другу, кроме как в одном – в любви, потому что любви не отплатишь; на любовь можно только ответить благодарностью и ответной любовью.

Мне кажется, что мы друг друга полюбили с первой встречи нашей в этом храме. Так бывает. Сербы называют встречу радостью, потому что всякая встреча от Бога, потому что всякая встреча – это мгновение, когда люди оказываются лицом к лицу иногда на очень короткое мгновение, а вместе с тем и навсегда, ибо, раз встретившись сердцем, верой, любовью, общей надеждой, под сенью общего креста, под сиянием общего грядущего победного воскресения, уже расстаться нельзя, расстояния земли людей не разлучают. Мы все это знаем: жизнь далеко разводит близких, родных, а сердца остаются соединенные неразлучно такую любовью, которая только на небе может расцвести полной радостью и воссиять полной своей славой.

Все мы молимся о том же: молимся, чтобы радость пришла на землю; слышим из десятилетия в десятилетие слова Исаии, которые он сказал именем Господним: «Утешайте, **утешайте** народ Мой!». Бог знает, какая скорбь настигла наш современный мир везде, – скорбь охлаждающей любви, скорбь разъединенных семейств, скорбь войн, скорбь ненависти, многие, многие скорби. Он это знает, и вместе с тем Он зовет нас не только не унывать, но надеяться еще ярче, еще пламеннее. Вспомните Его слова в Евангелии: когда вы услышите обо всем, о чем Я говорил (а говорил Он о приближении страшного конца Иерусалима), когда вы услышите о войнах, о слухах брани, и о голоде, и о бедах – *восклонитесь*, то есть поднимите голову, потому что спасение близко... И это спасение все ближе и ближе. И это спасение выражается двояко: когда постепенно обнищание наше становится по-человечески все безнадежнее, то все шире и шире, все глубже раскрывается перед нами возможность познать Царствие Небесное.

Помните первую заповедь блаженства: *Блаженны нищие...* Не всякий нищий блажен. Блажен не просто обездоленный, потому что от обездоленности нищенства духовного не обрести; обездоленный, который только жаждет доли потерянной, в Царствие Божие не входит; а блажен тот, кто познал, что ничего у него нет; даже то, что кажется его собственностью – не его. Жизнь, тело, ум, сердце и все, чем богата наша жизнь: любовь людей, солидарность людей, братство, жалость, милосердие – столько можно было бы еще назвать таких богатств, – все это от Бога. И если почувствовать совершенную нашу нищету, почувствовать, что ничего у нас нет, тогда вдруг хлынет в сердце **такая** несказанная радость: хотя нет этого у меня, хотя оно не мое, но – Господь дает! Все, что мое, было бы вне Господа, а все, что не мое, – это ведь дар Божией ласки и любви и человеческой ласки и любви! И только тогда, когда мы чувствуем, что ничто не наше, можем мы сказать с апостолом: *Мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем*, потому что это Царствие Божие **внутри** нас: радость, что мы Богом любимы и что любовью Божией другие возбуждаются к тому, чтобы любить, чтобы жалеть; и не только те, кто так легко возбуждается, но и те, которые **трудно** приходят в сознание о любви и о милосердии.

В Литургии святого Василия Великого есть такие слова: «Благих благими сохрани, а злых благими сотвори **Твоею** благодатью». И вот мы живем в мире, где есть добрые и злые. Дай

Бог, чтобы мы были среди добрых, среди Христовых, среди тех, которым Господь сказал: *Как Меня послал Отец, так и Я вас посылаю...* Можно прибавить из другого места евангельского: *как овец среди волков*. Войти в мир кротостью, любовью, беззащитностью, готовностью **все отдать**, чтобы другой обогатился надеждой, чтобы поверил он в любовь, – вот к чему мы призваны. *Сила Божия в немощи совершается*, а сила человеческая всегда может разбиться о большую силу. Только простота голубиная, только любовь неодолимы ничем, но лишь настоящая любовь, любовь, о которой говорил апостол Павел: не пристрастная, не та любовь, которой мы **выбираем** любимых и **откидываем** нежеланных, а та любовь, которая, как солнце Божие, светит и на добрых и на злых, потому что хочет добра злым, желает и им стать детьми Царствия Божия, а не погибнуть во тьме кромешной.

За границей, в церквях моего управления, мы молимся: «Устроивый мир во славу Твою и в радость его несончаемую, сотвори, да и противящиеся Твоему слову обратятся и вместе со всеми верными истинною верою и любовью Тебя прославят». Молимся, в той же ектенье: «Якоже некогда гонителя Твоего Савла апостолом Твоим Павлом дивно соделал еси, Господи, сие и ныне, во дни скорби наша, сотвори, да и ненавидящие нас и творящие и желающие нам злая познали истину Твою и любовь Твою». Только такая молитва, только такая установка может победить зло, ненависть, противление. Христос нам сказал, что Отец мог бы двенадцать легионов ангелов Ему в защиту послать, но Он не послал... И Христос не молил об этом, а **отдал** Себя, отдал до конца, неограниченно, чтобы сделали с Ним, **что только захотят**. *Никто Моей жизни у Меня не отнимает, говорит Он, – Я ее отдаю...* И что? На Кресте, потому что Он принял это страдание, потому что не поколебалась любовь, Он смог перед Богом и Отцом последним вырванным смертью криком сказать: *Прости им, Отче, они не знают, что творят!.. Прости...*

Собор в городе Ковентри был разрушен во время налетов немецкой авиацией; и из развалин построен на площади престол, из обломков железа – крест и надпись: «Прости им, Отче!» Так могут сказать люди обыкновенной веры, потому что эта вера была испытана огнем и железом, и в этом страдании они поняли, что ненавистью не искоренишь ненависти, что гнев человеческий правды Божией не творит, а любовь покрывает множество грехов и побеждает все, все без остатка.

И вот – будем любить. Окружавшие первохристиан люди удивлялись, говорили: «Что это за люди, как они друг друга любят!» Станем таким обществом, где люди так друг друга любят, что всякий вне стоящий посмотрит и скажет: «Как я беден! Какой я сирота вне этого общества! О если бы мне только в него войти! Если бы только и меня обняла эта ласка и любовь! Если бы только мне стать Христовым!». Так ранняя Церковь покорила мир. Так Христос покоряет каждую отдельную душу. Верующие растут в любви, неверующие к ней просыпаются. Любовь была для меня откровением неизвестного тогда мне Божьего Царствия и Христовой Церкви. Я встретил человека и не мог понять: что это за человек, почему у него на всех хватает любви? Почему он нас любит – не из-за того, что мы хороши или дружелюбны к нему, а несмотря ни на что? Откуда это?.. Тогда я этого не понимал, а когда впервые прочел Евангелие, я понял, откуда эта любовь, которая предваряет, идет навстречу, принимает удар, угнетение, все – и радуется, потому что когда мы делаемся жертвой, подобно Христу, мы получаем божественную власть простить именем Господним и благословить во спасение тех, которые силятся сломать нас... Какая это сила, какая это радость!

Когда вы приходите на архиерейскую службу, вы видите в ней славу, а ведь смотрите: входит архиерей, с него снимают его одежду, а он вспоминает слова, Христом сказанные Петру: *Придет время, иной тебя препояшет и поведет, куда ты не захочешь; когда был молод, сам препоясывался и куда хотел – ходил*, а теперь, во Христе, и тебя совлекут твоих риз, как в ночь бесправного суда, и оденут в препяду, и поведут... Видим мы митру и забываем, что только потому она ставится на престоле, что она изображает собой терновый венец, в котором мы

видим венец славы Господней. Дается жезл и кажется, что это жезл силы и власти, а это жезл странников бездомных, у которых нет прибежища, нет дома, нет защиты, перед которыми весь мир раскрыт, потому что он – Божий, потому что в весь этот мир ведено идти, *как смертникам*, говорит апостол Павел: умирай каждый день, чтобы каждый день **кто-то** душой ожил... И омофор, который ложится на наши плечи, который раньше, в древности, делался из белой шерсти, изображает заблудшую овцу, за которой пастырь должен пойти **куда угодно**. А мы знаем, куда Христос напоследок пошел за последними потерянными овцами: сошествие во ад. **Во ад** надо идти искать овцу... И все это в славе, и в радости, и в надежде, и в вере воскресения, и в чуде этой нашей простой человеческой любви, которая вырастает в меру Божьего Царствия.

Как это дивно, какая радость нам дана! Будем ее хранить в **единстве** раньше всего, потому что единству нашему дается любовь. Где рознь – нет любви, где разделение – нет любви, а просто попрание Креста и Слова. А где люди преодолеют рознь во имя Христово, останутся друг с другом неразлучными во имя Христово, несмотря на то, что не всегда нам легко друг с другом, там победа будет Христу и Духу, тогда наша жизнь будет сокрыта со Христом в Боге. Будем любить, держаться единства, не дадим себя разорвать ничем, и явим миру, что значит, когда Бог в сердцах человеческих победит, и останется только любовь, ничто другое! Аминь.

Свидетельство о воскресении. Слово на всенощной в храме святителя Николая, что в Хамовниках (Москва), в субботу 25 мая 1968 г.

Христос воскрес! Христос воскрес!

Христос воскрес!

Вот с этой радостью о воскресении Христовом жены мироносицы ранним-ранним утром покинули гроб, в котором был положен Иисус. Что же делает Мария Магдалина у этого гроба несколько часов спустя в слезах, в горе? Как она, утром еще осиянная вестью о Воскресении Господнем, теперь в плаче предстоит этому самому гробу? Что случилось с ней?

Случилось то, что, услышав ранним утром весть о Воскресении Христовом, она ее восприняла как победу Господню над смертью, как торжество Божие, а вместе с этим, как **окончательную** разлуку с Господом своим. Тогда ангелы возвестили женам о воскресении, но Самого Христа они не узрели. И вот она вернулась; вернулась, погруженная в собственное горе, забыв за своим собственным горем и о Воскресении Господнем, и о победе Божией, только окутанная тьмой этого будто непоправимого несчастья, что, правда, воскрес Господь, но никогда, никогда уж ей не видать Его, никогда не слышать ей Его собственного голоса, никогда не быть Ему в среде возлюбивших Его учеников, для которых Христос был – сама жизнь.

И вот, погруженная в горе среди этой славы, окутанная тьмой среди этого сияния Воскресения Господня, она – у гроба. И она так погружена в свое горе, что **не видит** она ангелов, которые утром уже возвестили ей и другим о Воскресении Христовом, она видит только горе свое неизбывное, безнадежное. Она видит гроб – и не находит в нем торжествующего свидетельства о Воскресении и о победе, она видит в нем поражение – не Божие, свое. Окутана она тьмой собственного горя.

Разве не бывает часто с нами, когда умрет близкий, родной человек, что в момент смерти коснется нашей души крыло веры, загорится в нашем сердце уверенность о том, что *жизнь живет*, что смерть побеждена, что любовь не может быть покорена... А потом проходит иногда короткое время, и мы возвращаемся к сетованию, к своему горю, к своему несчастью, и за ним собственной, только что пережитой радости мы не умеем больше ощутить. Торжество победы заглушено **нашим** горем. Так и в этом рассказе: Мария Магдалина не видит. Не видит света, не видит ангелов, не чувствует победы, видит только **гроб**, и притом гроб особенно страшный, потому что этот гроб пуст. Даже нельзя поплакать над любимым телом, даже нельзя побыть с Тем, Который теперь умер, но Который хоть **плотью** Своей еще среди людей. Нет этой плоти...

И ангел Господень, стараясь возбудить ее, привести ее в сознание собственного опыта Воскресения, обращается к ней с вопросом: *Что ты плачешь, женщина? Кого ты здесь ищешь?* Но и тут она не узнает его голоса, не поднимает на него глаз; она только отвечает: «Взяли Господа моего и не знаю, куда положили Его». И сказав эти слова, она от ангела-благовестника, от утешителя, от радости своей **отворачивается**: *Не воззрела бы на него! Зачем с ним говорить, что он может сделать для моего горя?..*

Опять скажу: разве не это бывает часто, когда умрет дорогой нам человек, и кто-нибудь близкий, родной, живой свидетель нашего собственного опыта победы Божией и Воскресения

Господня нам хочет напомнить о том и тихо говорит: «Что ты плачешь? О чем? Что с тобой?» И мы отвечаем: «Умер! Умер... **умерла** моя любовь...» – и отворачиваемся: «Отойди прочь с твоим утешением, с твоими теплыми словами. Я хочу плакать, я хочу горе свое **до конца** пережить, чашу свою хочу испить до конца»...

Отвернувшись от благовестника-ангела, она оказывается лицом к лицу с воскресшим Господом. Но и Его она не видит. Она занята своим плачем, своим горем; она не смотрит на Него. И тогда Он тоже спрашивает, теми же словами: *Что ты плачешь, женщина, кого ищешь ты здесь?* Даже тут она не опомнилась. Даже тут она, думая, что это садовник, отвечает: **Куда ты Его дел? Куда ты положил это тело, все, что теперь у меня осталось от вечной жизни?..**» (Не так ли мы часто поступаем?) И тогда Христос говорит ей одно слово: «**Мария!**» Называет ее **по имени**.

Сколько раз она слышала этот же голос, это же имя из Божественных и животворящих устах. И это слово, это имя, которое никто на свете не может для каждого из нас произнести так, как единственный, кого мы любим больше всех, единственная, кого мы любим больше всех, – это слово доносится до ее сердца, отзывается оно в ее сердце; и тут она больше не взирает ни на Говорящего, ни на ангелов, ни на гроб. **Встреча** случилась в глубинах сердца, ожившего от этого слова животворного. Она названа по имени так, как никто на свете ее не называл. Это слово говорили многие, но так оно никогда не звучало, как когда Христос его произносил.

И она падает ниц перед Ним: Учитель! Он жив!.. Теперь она бы прикоснулась к Нему, к Его ногам, она облобызала бы Его пречистые ноги, но Господь ее останавливает: *Время не пришло...*

Слова Его таинственны; слова Его часто более таинственны, чем нам кажется. Единственное, что ясно в них, это: *Не касайся Меня, не пришло время тебе и Мне. Но иди, иди **ты**, первая, которая увидела, потому что сумела **сердцем услышать** то, что глаза не могут показать. Иди, и возвести другим, что ты **видела** воскресшего Господа.*

И она идет, и она проносит эту весть торжествующе, ликующе; и эту весть от нее воспринимают ученики – и спешат, спешат к этому гробу – **внутри** сердца, внутри опыта; и тут начинается для них **новое**.

Сколько раз нам придется в жизни – и по отношению ко Христу, и по отношению к самым родным и близким и дорогим – испытать это же самое. Когда коснется нас горе, перечтем это место, задумаемся в него вновь. Это одно из самых торжествующих свидетельств о Воскресении Господнем, которые пробиваются через мрак, через тьму, пробиваются через горе, пробиваются через все, при одном только условии: что сердцем мы умеем слушать и сумеем **услышать**, что воскрес Господь. Потому что и **теперь** Он нас называет **по имени**: Мария!.. **Каждого** из нас этим именем, потому что теперь по отношению к Нему прошло время суеты, пришло время **созерцания**, образ которого – именно Мария, по свидетельству Евангелия Господня.

Возрадуемся о Воскресении Господнем, и не будем бояться. Свет Христов, который так торжествующе, так ослепительно озарял нас в пасхальную ночь, теперь превратился в тот тихий свет, о котором мы поем на всенощной: *Свете тихий святых славы Небесного Отца, Святого, Блаженного – Ты, Иисус Христос.*

Аминь!

Господь нам завещал радость... Слово, произнесенное 26 мая 1968 г. в храме св. пророка Илии, что в Черкизово, (Москва), после приветствия настоятеля

Каждый раз, когда я приезжаю из-за границы, я приношу сюда русским людям, нашим родным и кровным, привет, неумирающую память и любовь к ним и к нашей родной стране тех, которых буря рассеяла по лицу всей земли. Многие сейчас ушли в могилу, многие клонятся к земле, как побитый стебель; другие еще в цвете сил – не те, кто когда-то уехал, а их сыновья и дочери, внуки, которые помнят, что они русские, которые помнят и любят свой родной народ и свою родную землю, и свое родное, животворное Православие.

Первые годы нашего рассеяния были поистине для нас днями евангельскими. Все было потеряно. Родина была далека, родные были вне досягаемости, жизнь была так тяжела, что иногда страшно и вспоминать. И в этой **совершенной** обнаженности и обездоленности многие нашли Христа и Евангелие Господне. Ничего не осталось у людей, кроме истерзанной души, разбитой жизни – и вдруг перед их взором встала та нищета, о которой говорит Христос в заповедях блаженства: *Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное*. В нищете материальной, нищете душевной, растерянности нам вдруг открылся Христос, Который нами познан тогда не в пышных богослужениях, не в славе, а Таким, Каким Он родился в Вифлееме, Каким Он жил в Назарете, Каким Он проповедовал и был преследуем в Святой Земле.

Когда Он родился, дома не нашлось, который принял бы Его. Мать, ожидающая ребенка, Сына Божия, не нашла Себе приюта и гостеприимства. Так было и с многими из нас за границей. Было бегство, подобное бегству в Египет, в страну далекую и чужую, в страну рабства; и вдруг оказалось – достигнута свобода: свобода духа, свобода во Христе. Потому что внешне – тяжело ложилась жизнь; и образ Христа назаретского, рабочего, труднического Христа, стал понятным и родным для многих, как и годы странствий Его, и проповеди в нищете и в одиночестве.

По лицу всей земли тогда начали воздвигаться малые-малые храмы. Этот ваш храм мы рассматривали бы как величайший собор. Тогда открывались церковки в старом гараже, в подвальном помещении; где-нибудь в закутке собиралось молиться малое количество людей. Тот храм, который теперь служит нам собором в Париже, вмещал тогда пятьдесят человек. Храм, где я провел многие юные годы, был меньше алтаря этого вашего храма. Однажды приезжал в Париж тогдашний наш архиерей, митрополит Литовский и Виленский Елевферий, и, одетый в длинную архиерейскую мантию, он дошел до царских врат, а конец мантии его был еще у входных дверей. Малый храм... а сколько было веры, сколько нищеты, сколько любви к Родине и к Богу. И вспоминается его слово, – никогда не забыл я его с тех пор. Наш настоятель извинялся перед ним в том, что принимаем мы его в таком убожестве: иконостас из дешевой фанерки, иконы из бумаги, пол еле выдерживал тяжесть молящихся... Владыка его остановил и сказал: «Не говорите **никогда** об убожестве храма. Храм так же велик, как Бог, Который в нем живет». Храм не ограничен этими стенами, храм вмещает **вечность**, храм вмещает **Бога**, храм вмещает всю любовь Господню к этой многострадальной и грешной земле, на которой живут люди, по всему лицу мира.

И каждый храм – ваш, здесь, и наш убогий храм тогда, и тысячи других храмов – является местом, где на земле Бог у **Себя дома**. Сколько есть мест, где теперь Ему **нет** ни пути, ни приюта. Сердца закрылись, и умы закрылись, и воля отвернулась, и жизнь пошла иным путем, по лицу всей земли. И однако, вера каких-то людей – многих, немногих – создает приюты для Живого Бога, для Царя неба и земли, место, где Он у Себя, место, куда к Нему – не к нам, священникам, а к Живому Богу – могут прийти скорбные, истерзанные души, куда можно при-

нести радость и горе, куда может прийти всякий человек, – верующий, неверующий – только бы была у него в душе скорбь, которой он не может выдержать, или радость, которая слишком велика для земли.

И вот так мы живем: вы и мы – **той** же жизнью, потому что храм не мерится размером и количество людей не мерится числами, а тем, что среди нас вся невидимая Церковь Христа: и Спаситель, и Божия Матерь, и апостолы, и святые и мученики, – все те, которые прошли жизненным путем до нас, неся крест победным образом, – крест и радость Христову. Потому что Господь нам завещал **победную** радость, но своеобразную радость. Не радость о том, что мы обеспечены, не радость о том, что нам легко живется, а радость о том, что мы можем **любить**, и не только своей любовью, но Господней; можем благословлять не своим только убогим благословением – Божиим благословением. И радость о том, что перед нами в этот мир с этим же вошел Господь, что победила любовь, что не ушел Господь после крестной смерти от убивших Его людей, а остался в нашей среде. Какая радость!

С этой радостью мы и должны идти в мир, любить ближних и дальних. **Любить** всегда значит в какой-то мере умереть, потому что тот, кто любит, уже не живет для себя, не живет собой, он живет для другого, в другом, ради другого. Но живет-то он **вечной** жизнью, а не только жизнью временной и земной, в самой смерти он живет жизнью вечной, отдавая свою жизнь для того, чтобы другие могли жить. Вот радость Христова, которой никто у нас не отнимет. Никто не может отнять этого у нас, никто не может нам помешать **любить**, и любить так, чтобы быть готовыми не только **жить**, но и **умирать** для того, чтобы другие **жили** и познали Бога, и вошли в Царство Господне. Это радость пасхальная, это радость вечная, это радость наша и Господня. Слава Ему за все!

А вам – спасибо, что молились вместе, спасибо за то, что слушали, спасибо, что приняли нас, приехавших издали: отца Сергия, отца Александра, настоятеля нашего собора в Париже, и меня, с такой лаской и любовью.

Христос воскрес!

Радость разлуки. Слово, произнесенное 29 мая 1968 г. на всенощной под праздник Вознесения Господня в храме свв. мчч. Адриана и Наталии в Бабушкино (Москва)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Радость нам оставил Господь, радость Он нам завещал, и сегодня мы празднуем праздник таинственной радости, – радости разлучения. И радуемся мы сегодня также встрече на земле. Господь нам дал сегодня **встретиться**. Встретиться не значит просто оказаться где-то в одном и том же месте, лицом к лицу. Радоваться встрече можно только тогда, когда встретишь и согласишься другому в глаза и в душу, когда уйдешь взором души в глубины человека: тогда встреча совершилась. Иначе мы только столкнулись и прошли мимо. А в храме, когда мы молимся, когда мы сердцем устремлены вместе, к одной цели, с тем же чувством – как легко встретиться.

Но есть радость и в разлуке. Вспомните слова Спасителя на Тайной вечери. Говоря о том, что Ему надлежит умереть, и воскреснуть, и уйти от Своих учеников, Он увидел, что они стали скорбны, и сказал им: *Если бы вы Меня действительно любили, вы радовались бы, что Я иду к Отцу...* И вот сегодня мы вспоминаем этот день, когда, совершив трудом, подвигом, кровью дело нашего спасения, Господь почил от трудов Своих в великую, благословенную субботу, воскрес в славный день Воскресения, а теперь возвращается во славу Отчую, в ту славу, которую Он имел от начала мира и прежде чем мир стал. А нам Он все же оставляет радость. И радость не только о том, что **Он** теперь в славе, которая Ему принадлежит, что **нет** больше перед Ним крестного пути, **нет** скорби земной, а есть прославленность вечная, – не только об этом радость нам дана. Радость нам дана в том, что теперь, в совокупности всего случившегося, мы понимаем путь спасения, и мы видим, что для Бога значит наша земля, как она Ему дорога, и какие непостижимые в ней возможности.

Мы редко задумываемся над тем, что значит для твари, для той самой земли, на которой мы живем, для всего того, что окружает нас, и для людей, которые нас окружают, воплощение Господне. Бог стал человеком. Теперь среди человеческих имен – Имя Вечного Бога. Разве это не дивно? Разве мы не дивимся, не ликуем, когда в нашем роде и в нашей семье можем прочесть имя, достойное любви, почитания, благоговения? И вот в нашей человеческой семье одно Имя вписано, Имя Бога, Который так возлюбил нас, что Он породнился с нами, стал одним из нас, и не на время, а **навсегда**, на веки вечные. Потому что воскресший Господь воскрес **плотью** человеческой, и возносящийся Господь вознесся **человеческой плотью** Своей. И не только мы можем радоваться об этом, но радуется вся тварь. Ведь подумайте о том, что представляет собой просто человеческое тело. В нем сосредоточено, можно сказать, все то, из чего состоит вселенная. Все материалы не только земли, но и неба мы находим в этом человеческом теле, и вот со всем этим соединился Господь. В Его теле соединилось с Божеством неразлучно и навсегда все, что видимо и невидимо. Разве этого не достаточно для того, чтобы ликовать? Мы можем думать с радостью, что Господь Бог не только нашу человеческую судьбу взял на Себя, не только так породнился с нами, что Он один из нас, человек среди нас, но что вся тварь, все породнилось через воплощение с Живым Богом. Наша земля, на которой мы живем, уже не та земля, какой она была до воплощения, земля, которая как бы лицом к лицу стояла перед Богом – в грехе, в трепете, в борении, в вере, в искании Господа. Нет, теперешняя земля – та, которую Господь таинственно Себе соединил, она пронизана Его присутствием, она призвана вся без остатка стать как бы богоприимной: так же как богоприимными делаются хлеб и вино,

которые на литургии освящаются Духом Святым и делаются Телом и Кровью Христа, так же как воплотился Господь. Разве это не радость?

А дальше? Христос жил, Христос учил, Он на Себе понес все ограничения земли, Он на Себя принял всю человеческую ненависть, Он был отвергнут – и за что? За то, что Он разочаровал людей. Люди надеялись, что Он придет водворить временное царство, победу Своего народа над другими народами. А Господь не для этого пришел. Он пришел для того, чтобы собственный Свой народ призвать, вместе с Ним и подобно Ему, быть готовым **жить и умирать** ради других. Они надеялись на победу, а им было сказано: *Я вас посылаю, как овец среди волков*, идите, проповедуйте слово Господне, благуя весть любви Господней всей твари. *Как Меня послал Отец, так и Я вас посылаю*, – говорил Господь. Это страшно; **так** любить – страшно нам. Разочаровались люди: они хотели землю, – Господь предложил небо на земле и **крест**. Он нас призвал любить, притом так, как **никто** на земле любить не может; любить, как Он любит, Его любовью; любить, не ища взаимности, любить, не ища награды; любить не для себя, а для другого.

Ведь часто мы любим друг друга и держим друг друга в плену нашей любви. Как часто людям хочется освободиться от гнетущей любви, которой мы их поработаем. Нет, этой любви Господь нам не оставил. Он нам сказал, чтобы мы любили, как Отец Небесный любит: и злых и добрых равно. Не одинаково, но равно; не одинаково, потому что на одних радуешься, а о других разрывается сердце; но любишь – так же. Ликуешь, потому что один добр и светел, и плачешь, потому что другой не таков; но любишь равно. И эта любовь должна идти очень и очень далеко. Господь нам дал пример (Он Сам это говорит), чтобы мы ему последовали: так любить, чтобы **жизнь** отдать и **смерть** подарить людям, тому, кто захочет их взять; но вместе с этим, отдав, не поколебаться в любви. Вот почему столь многие отвергают Господа и **не могут** Его принять: потому что так любить значит согласиться на смерть. Всякий, кто любит, в какой-то мере умирает. Кто любит, уже не живет для себя, а для дорогого, любимого, родного. Тот, кто любит совершенно, себя забывает **до конца**, и живет только в том, кого любит, для того, кого любит. Такой любви и тогда испугались, и теперь боятся: страшно!.. А вместе с тем, это одна из дивных радостей, которую нам оставил Господь: уверенность в том, что мы **можем** так любить, что человек **настолько** велик, что он **даже на это** способен.

И еще радость о том, что Господь – вот сегодня мы вспоминаем это событие – вознесся на небо. С одной стороны, казалось бы, горе, разлука... Нет! Не горе, не разлука – что-то другое. Вознесся Господь плотью Своей, вошел во славу Отчую, сел одесную Бога и Отца, и теперь мы **с ужасом** и удивлением, как говорит святой Иоанн Злато устный, смотрим и видим, что в сердцеvine, в самых глубинах тайны Святой Троицы – **человек**. Человек Иисус Христос. Да, Сын Божий, но и нам родной – человек. Человечество наше теперь покоится в недрах Господних. Разве не можем мы **об этом** ликовать?

А на земле? Господь нам обещал на земле не оставить нас сиротами, послать Духа Святого в сердца наши. Кто Этот Святой Дух? Что Он нам принесет, приносит, – уже принес и дал? Это Дух сыновства. Через Него мы приобщаемся духу Христову. Кто открывает Ему свое сердце, тот приобщается всему, чем жил Христос; этой вере без предела, этой надежде всепобеждающей, этой дивной и ничем не колеблемой любви. Дух этот нас делает вместе со Христом детьми Божиими, дает нам возможность говорить Небесному Отцу, Богу нашему: **Отец!** Не называть Его больше «Вседержитель», а родным словом Его называть: Отец, и так к Нему относиться, так обращаться с Ним. Этот же Дух нас учит, что всякий человек – нам брат, родной, для которого мы должны быть **готовы** – нет, «должны» плохое слово, оно означает долг, а мы говорим о радости – для которого мы поистине готовы дать свою жизнь, чтобы только он ожил, чтобы и у него возликовала душа, чтобы и он вошел в Господню светлую вечность.

Праздник разлуки... Какая разлука! Восходит Господь на Небо, и с Собой в тайну Божественной жизни вносит всю тайну человека. Вот мера нашего призвания, вот, что человек

представляет собой. Но тогда понятно, почему апостолы могли выйти на проповедь, радуясь и ликуя, не боясь ни гонений, ни преследований, ни мук, ни смерти, ни изгнания – **ничего**. Радостью они шли, потому что все у них было уже: было Небо на земле, была вечность в них самих, и они были в вечности. Вот куда нам надо вращаться. Верой, устремленностью мы, может быть, с ними вместе, а на деле нам надо вырасти в их меру, стать такими, какие они на самом деле были: любящими всем сердцем, всем умом, находчивым, трезвым, творческим умом, всей волей – закаленной, крепкой, самозабвенной волей, всей жизнью нашей, а если нужно – и всей смертью, и не только по любви к Богу, но и по любви к ближнему, **ко всякому** человеку. Ближний – тот, кто в нас нуждается. Проявим же эту любовь к каждому отдельному человеку, кто рядом с нами, и сами вырастем в меру истинной церковной радости.

Аминь!

Вознесение Господне. Слово, произнесенное 30 мая 1968 г. в Успенском соборе Свято- Троицкой Сергиевой лавры на торжествах по случаю 50-летия восстановления патриаршества

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Христовы слова: *Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе*, относятся равно и к крестной смерти Спасителя, и к Вознесению Господню. И оба эти события равно – но разное – являют нам действие Божие о нашем спасении. Когда Христос умер на кресте, привлек Он к Себе сначала и видимо лишь малое стадо тех, которые оказались способны и в силе поверить в победу любви над ненавистью, победу жертвенной, крестной преданности друзьям над страхом. Он привлек тех, которые сумели прозреть новое откровение о Боге во Христе, воплотившемся Слове Божиим. А откровение это было поистине ново и трудно к принятию. Древний мир часто создавал образы богов и героев: боги как бы воплощали в себе все то, что было дорого человечеству, все то, чего человек желал себе больше всего – покоя, мощи, торжества, величия; и даже те из божественных героев, которые в своем подвиге погибали, погибали в славе и восставали в чести. Но явление и откровение Божие во Христе могло только разочаровать и древний Израиль, и языческий мир. Христос явил нам образ Божий совершенно по-новому, так, как человек Его и помыслить не мог, так, как человек себе и пожелать Его не мог. Бога, явившегося в смирении, Бога униженного, Бога, беззащитно Себя отдающего по одной любви, Бога, как будто бессильного Себя Самого защитить, Бога, Который был окружен ненавистью и как будто побежден, Бога, Которого языческий мир был вправе презирать, потому что Он ничего не являл из того, чего хотели от Бога своего: мощи торжествующей – немногие оказались способны этого Бога принять, этого Бога узнать, Ему поклониться. Тем более, что этот Бог нам сказал: *образ даю вам, которому вы должны последовать*; не только Он Сам пошел путем предельного смирения на крест и муку, но и нам повелел таковыми же стать и тем же путем идти.

Да, когда Господь был вознесен на крест, не многие приняли это свидетельство, не многие последовали за Ним. Но это только видимость, потому что то, что Он явил на кресте, засеяло семенами наш человеческий мир далеко за пределами Церкви Христовой, далеко за пределами того, что мы называем «мир верующих». Как Христос Сам говорит, Его слово подобно дрожжам, которые полагают в тесто, и они расходятся, они делаются неприметными, но все тесто вскисает, все тесто всходит и уже не опресноки, а хлеб, живой, питательный хлеб получается из этой смеси. Слово Христово, образ Его жизни, пример Его смерти засеяли семенами весь мир. До Христа люди не умели ценить человеческой личности. Христос и Евангелие первые провозгласили единственность, неповторимость, драгоценность для Бога каждой человеческой личности, каждого человека, и это открытие, это откровение стало менять всю обстановку и древнего и последующего мира. Если теперь среди людей есть понимание человеческой личности, если к ней есть уважение, если мы друг на друга смотрим и думаем, понимаем, что мы – перед единственным человеком, неповторимым человеком, для которого стоит жить и жизнь отдавать, то это – по слову, по учению и по образу Христа, засвидетельствованному крестом, потому что другого, предельно убедительного свидетельства никто не может дать, кроме жизни своей и своей смерти, не поколебавшись в своем свидетельстве неумирающей, торжествующей любви. Вот как возлюбил мир Бог наш, вот каким Он Себя явил, вот какими Он желает нас видеть. Но это вознесение крестное. А что говорит нам вознесение, которое мы сегодня празднуем, восшествие во славе и седение одесную Бога и Отца?

Воплощение Христово уже открывает нам о человеке и обо всем мире нечто дух захватывающее. Человек, оказывается, столь глубок, столь дивен, что он способен соединиться с Божеством, не сгорев в этом пламени, не погибнув от этой встречи. Древний, Ветхий Завет нам говорит, что *сердце человека глубоко*, и опыт людей показывал, что это глубокое сердце ничто земное не в силах заполнить; оно слишком глубоко для всей вселенной, заполнить его может только Бог. И вот Бог стал человеком. Человек показан нам в этом воплощении во всей своей дивной, непостижимой емкости: он может стать вместилищем Божества, он может стать и быть храмом, местом вселения Святого Духа. Но в Вознесении Господнем нам показано что-то, может быть, еще более дивное.

Плоть человеческую, принятую Им любовно от Девы Богородицы, плоть, которую Он отдал истязаниям суда и крестной смерти, – эту плоть Христос не покидает на земле после крестного Своего умирания и свидетельства о Божественной любви: Он воскресает, живой в плоти Своей, воскресает с язвами на руках и на ногах, с раной в боку, воскресает в свидетельстве о том, что и тело человеческое призвано не к тлению, призвано не к смерти, а призвано к вечной, неумирающей, ликующей жизни. И в Вознесении Своем наше человеческое тело, наше естество человеческое Он возносит на Небо и вступает, Плотносец, в глубины Троичной тайны. Святой Иоанн Златоустый говорит, что если мы хотим понять, сколь велик человек, не надо взирать на великих людей земли, но надо поднять взор к престолу Господню и там узреть облеченного плотью человеческой Сына Божия во славе Отчей. Вознесением Христа жизнь наша поистине, по слову апостола Павла, *сокрыта со Христом в Боге*.

Но не только о человечестве говорят и Воплощение, и Вознесение Господне. Тело, которое воспринял на Себя Христос, тело, которым Он жил, которым Он ходил по земле, которым Он вкушал пищу, которым Он слышал и видел, тело, которым Он говорил животворное слово, тело, которое Он предал на истязание и смерть, – это тело ведь состоит из всего того, из чего состоит видимый, тварный наш мир. В этом теле сосредоточено все вещество неба и земли, от самого простого до самого непостижимого. Вся материя наша представлена в теле Христовом, вся эта окружающая нас видимая материя и земли и неба, до пределов вселенной, представлена в этом дивном теле, соединившемся с Божеством. И когда Христос возносится на небо, Он не только наше человечество, Он все видимое, всю видимую тварь вносит в глубины Божественной тайны, в недра Троичной, дивной Божественной действительности. И после этого как нам, вместе с Богом, не любить этот мир? Этот мир уже неотделим от Него. Этот мир должен стать, как он всегда был, нашей человеческой ответственностью и нашей человеческой заботой. И действительно, из века в век так было. Ничего нет человеческого, – говорит Тертуллиан, – что чуждо нам, христианам: и культура, и жизнь, и мир, и страдания, и скорбь, и радость земная, и радость небесная, и красота, и наука – все нам дорого, потому что все есть явление Премудрости Божией, все является для нас чем-то, что любит Господь во плоти, до отдачи Сына Своего, до крестной Его смерти, до крестной Троичной любви. И действительно, так было из рода в род, и так должно быть и теперь: должны мы возлюбить все, что в мире есть, любовью, которая может радостью нам быть и предельным страданием, и любовью, которая никогда не колеблется и не умирает. Вознесся Господь, и все земное, все тварное теперь мы можем созерцать, созерцая Троицу Святую.

Христос, возносясь на небо, отделился как бы от нас, ушел, но в этом есть тайна радости этой разлуки. Это разлука временная, в которой нам открываются призвание наше человеческое и призвание всей твари, торжество любви, соединения с Богом. И так за Христом уходили, из столетия в столетие, люди, оказавшиеся способными любить Христовой, Божественной любовью. Так отходили – иногда ликуя о своей смерти, а иногда погружаясь в мрак Гефсиманского сада и ужас слов Христовых: *Боже Мой, Боже Мой, почему Ты Меня оставил?* – и простые люди, и святители, и подвижники, и мученики, и исповедники Церкви.

Перед своей смертью поминаемый нами теперь с таким благоговением святейший патриарх Тихон говорил: «Тьма! Беспросветная, страшная тьма!» В этом он приобщился Гефсимании и Кресту Господню, и пройдя через этот ужас со Христом, Который до него, до всех прошел через все ужасы земли и ада, он вознесся духом к престолу Господню и пребывает молитвенником за нас. И с ним и святейший патриарх Сергей, и тысячи, тысячи людей, скромных и именитых, известных и не известных никому, кроме любви Божией, с тех пор, как Церковь Христова восприняла заповедь этой любви.

А любовь – это значит союз, это значит скрепление всех во единое тело, во един дух, и потому так ликует сердце сегодня, когда мы видим воочию здесь, в этом храме Православной Русской Церкви святителей, священников, мирян, представляющих собой Вселенское Православие, ту семью, которая во имя Христово, силою Духа Святого, несмотря на нашу такую страшную немощь и такую постоянную неверность Евангелию и Богу, осталась едина в любви. Как нам надо это ценить! И как нам надо растить это богатство наше! Как мы должны бороться в себе и в своей среде со всем тем, что разрушает, со всем тем, что разделяет людей, каких бы то ни было, лишь бы была в них добрая воля! Больше того: и тех, кто и злую волю имеет, должны мы любовью привлечь к радости церковной любви.

Но здесь представлены не только те, кого вы видите, – наши православные братья и наши инославные братья. Представлен здесь тысячный, миллионный, многомиллионный православный народ, находящийся за пределами Советского Союза. От имени трех Патриарших Экзархатов – Американского, Среднеевропейского и Западноевропейского – приношу я вам, русским людям, привет всех православных людей различной национальности, различной культуры, различных языков, но единой с нами православной веры, – англичан, американцев, бельгийцев, голландцев, итальянцев, немцев, французов – людей, которые по всему миру рассеяны. Одни – русские люди, которых унесли бури далеко от пределов Родины, но которые не забыли ни Церкви своей, ни единокровных своих, ни любви своей к родной земле. Другие – кто благодаря свидетельству убогого нашего, нищенского зарубежного жития в рассеянии, когда оставались у нас только Бог и вера наша, тысячами обратились к православной вере и приобщились к нам, и стали мы многомиллионной, разнообразной, пестрой семьей людей, единых во Христе.

Осознаем же теперь, что нам дает Господь в этой дивной радости церковной любви, осознаем, как велико призвание человека, которое только мы, верующие, можем знать до конца, до самых глубин, возрастет в меру роста Христова, станем подлинно Христовым телом – если нужно, то распятым за спасение мира – и возлюбим этот мир, станем его строителями со всеми людьми доброй воли, во славу Божию, в радость земли, чтобы все выросло в меру, о которой говорит апостол, обещая нам, что придет время, когда Бог будет все во всем, когда все засияет, пронизанное присутствием Божественной благодати, в единении с Богом. Аминь.

«...Останется одна любовь» Слово, произнесенное 31 мая 1968 г. за литургией в храме свт. Николая, что в Хамовниках (Москва)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Святой апостол Павел говорит: *Знание упразднится, вера уже не будет иметь места, останется одна любовь...* И вот любовь – это итог и единственный пребывающий плод встречи, молитвы: любовь и благодарение, потому что все остальное проходит.

Мы молим Бога о многом, но проходит нужда, или дает нам Господь просимое, и уже мы устремлены дальше и просим о другом. Единственное, что никогда не ветшает, это благодарность за полученное и любовь к тому, кто дал. Вот будем – **благодарны**. Потому что Господь нам дает так много, так удивительно много! Он нам дает Его **знать**.

Мы все знаем, как драгоценна для нас мысль о том, что мы в жизни встретили кого-то, кого мы полюбили от всей души, или просто что вокруг нас, около нас есть люди, которые нам дороги без остатка, просто дороги. Что же сказать о том, что нам дана радость так именно знать Господа? Мы, здесь находящиеся, где-то в своем сердце Его когда-то встретили и полюбили в ответ на Его крепкую, жертвенную любовь. Какая это радость!

Сколько миллионов людей теперь, по всему миру, ищут полноты своего сердца, ищут, чем заполнить это глубокое человеческое сердце, ищут заполнить его всем, что дает земля – и сердце остается пусто, потому что сердце слишком глубоко, чтобы земля, земное до предела и до конца и навсегда его заполнило торжеством и радостью. Господь милостив к нам: Он нас такими сотворил, что **только Он** может до края наполнить чашу нашей души, так что она переливается радостью, переливается благодарностью, переливается лаской и любовью – не к Нему только, а к людям, ко всем. Она так переливается, что хватает ее не только на любящих нас, но и на ненавидящих нас, так же как у Бога хватает света на всех, и радости, и любви, и крови Сына Его Единородного – **на всех**. Какое это диво, как это замечательно! Это любовь Божия.

Но любовь Божия как бы еще больше нам дает. Господь не только нам дает Свою любовь, – Он изливает в наши сердца, пропитывает нашу душу, пронизывает самое тело наше благодатью. Дух Святой, Бог и Господь наш, изливается в наши сердца, уча нас любить друг друга так, как нас любит Бог: без остатка, без меры, не взвешивая, **просто любить, чего бы это ни стоило**.

А любить всегда стоит дорого; потому что любить по-настоящему это значит так отнестись к другому, что твоя жизнь тебе уже не дорога, – **его** жизнь дорога, его душа дорога, его судьба дорога. Любить – значит войти в такое отношение хоть к одному человеку, – а лучше ко многим – что себя не помнишь. Об этом говорит Господь: *отвергни себя*; так полюби, чтобы уже не помнился сам себе, чтобы можно было жить, глядя на другого. Помните, как Петр пошел по волнам, глядя на Христа. И пока он только на Христа глядел, он шел в буре и не тонул; как загляделся на себя, на волны – начал тонуть: поколебалась цельность такой сильной души.

Вот будем хранить радость, которую дает Господь, не только в Его любви, но в изливающейся в нас, пребывающей в нас Божией любви. Станем радоваться и в радости, как говорит пасхальная песнь, *объем друг друга*; откроем друг другу не объятия, а сердца наши так широко, чтобы никому там тесно не оказалось. А тесно бывает многим, часто, в наших сердцах. И потому в жизни трудно бывает многим. И не только тем, для кого не найдется места в чужом сердце, том сердце, которое стало чужое, отчужденное, но и тому, кто сам закрыл сердце, потому что оно сжимается, и больно делается самому себе: жизнь вымирает. Но для того, чтобы любить, надо быть готовым на все. В конечном итоге, кто любит, уже не живет;

живет другой – им, а он живет для другого, себя не чувствует. Как мало бывает мгновений, когда у нас такое чувство по отношению к другому человеку или друг другу.

А вместе с тем – вот, церковная община. В этом храме вмещаются тысячи приходящих людей. Что они находят? – Бога, Который **всех** любит, да; но находят ли они людей бережных, вдумчивых, которые посмотрят в лицо человеку и скажут: «Пришел новый человек, поделимся с ним радостью нашей. Не будем тушить в нем горения. Он, может, впервые пришел: пусть уйдет с радостью, которой **никогда** в жизни он еще не испытал. А если придет вновь и вновь, если мы начнем замечать, что он нам труден – откроем еще шире сердце, чтобы ему там тесно не было, чтобы не нужно было ему **мучить** нас. Отдадим себя, как Христос Себя отдал». Никто, – говорит Он, – *Моей жизни у Меня не берет, Я ее свободно отдаю...* Так станем отдавать жизнь.

Не только умирать трудно, – жить трудно. Иногда жить труднее, чем умирать, потому что это значит умирать изо дня в день. Умереть разом порой легче. Вот станем жить такой любовью, такой радостью, такой благодарностью, которая переливалась бы через край на всех, чтобы люди, как в древности, говорили: «**Что** это за люди?! Какая тайна их радости? Почему они так друг друга любят? Почему они так бесстрашны? Почему никто не бывает ими отвергнут?» Ведь в ранней Церкви сердце каждого человека, ставшего верующим в страшных обстоятельствах жизни, было открыто, отверсто **раной Христовой**. Будем любить друг друга так, сколько у каждого есть сил, но **изо всех сил** без остатка. И будем ждать новой встречи, новой радости, новой молитвы, под сенью Божией Матери, Которая в первый мой приезд милостиво мне допустила здесь служить и дала мне найти здесь семью.

Пусть Господь среди нас пребудет навек. Пусть благословение Божией Матери будет над вами и над вашими далекими, многоязычными, многонародными братьями, среди которых я служу. Пусть нас сроднит Господь там, где нет никакого различия, а есть только **люди**, которых Бог так возлюбил, что дал Своего Сына для них. Храни вас Господь!

Слово о предтече произнесенное за всенощной 1 июня 1968 г. в храме св. Иоанна Предтечи, что на Красной Пресне (Москва)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хочу сказать вам несколько слов о святом, который является покровителем этого храма.

По свидетельству Господню, **никто** рожденный на земле не был так велик, как святой Иоанн Предтеча. И когда вдумываешься в свидетельство Евангелия о нем, действительно захватывает дух. Но не только дух захватывает, – видишь в нем человека, который сумел так **беспредельно**, так неограниченно быть преданным своему Богу и своему земному призванию, и который может послужить каждому из нас примером и образом; потому что каждый из нас в каком-то смысле, по отношению к тем, кто его окружает, является так часто **предтечей** Господним, является тем, кого Господь послал впереди Себя, чтобы принести людям слово и образ жизни, который приготовил бы их понять Христа, принять Христа. И когда **нашей жизнью** мы посрамляем наше свидетельство, когда, глядя на нас, люди перестают верить и в наши слова, и в слова Христовы, то мы берем на себя страшную ответственность. Мы не только сами живем в суд себе и в осуждение, но мы других не влечем за собой туда, куда мы призваны их вести: **к радости**, к той радости, которой Господь нам оставил залог и которой никто не может отнять, но которой никто, кроме Господа, не может дать.

Вспомним несколько из тех выражений, которые употреблены Христом или Евангелием по отношению к Крестителю Иоанну. Первое, что мы о нем слышим, это то, что он – *глас вопиющего в пустыне*. Пустыня – это не только место ненаселенное, это место, где пусто; и так часто в человеческом сердце пусто, в человеческой жизни **пусто**. Не только нет содержания вечного, но нет вообще такого содержания, которым можно было бы жить. И в этом отношении мы окружены – **все** – людской пустыней. И вот, в этой пустыне и мы призваны, подобно Крестителю, свидетельствовать.

Свидетельство Иоанна Крестителя не началось словами. Раньше чем вернуться к людям и говорить, раньше чем властно требовать от них, чтобы они стали достойны своего звания человека, он сам удалился в голую, жаркую пустыню и остался один с самим собой, лицом к лицу с самим собой перед очами Божиими. Иногда и нам приходится остаться в таком одиночестве. Бывает это, когда нас оставят ближние, когда сделается вокруг нас **пусто**. Бывает это, когда нас тронет болезнь, и тогда, как бы ни были мы окружены заботой, мы чувствуем, что мы одиноки, потому что мы стоим теперь перед лицом жизни и смерти, там, где каждый человек один за себя будет решать вопрос жизни и смерти, не только временной, но и вечной. Бывает, что мы удалимся сами, для того чтобы прийти в себя, – и тогда мы знаем, как трудно бывает остаться одному с самим собой, если к этому не привык. Делается боязно; тогда открывается перед нашим собственным взором внутренняя наша пустота, и в эту пустоту, в эту пустыню нам надлежит войти. Там будет одиноко, там будет пусто, там будет трудно жить, но **только** если мы сумеем жить в этой пустыне, с Богом Одним, сможем мы вернуться к людям, никогда не теряя Бога и способными, победив себя, победить **все**.

И вот Иоанн в течение свыше тридцати лет пребывал в пустыне, боролся со своим сердцем, боролся со своей жизнью, и вышел на проповедь, и засвидетельствован Богом как величайший, – но не только. Евангелие нам называет его не пророком, а **гласом**. Он так сроднился с волей Божией, так стал един с тем животворным словом, которое ему надлежит произнести для спасения людей, для пробуждения людей, для того, чтобы в них тоже воссияла **жизнь**, возродилась **радость**, что он **только** голос. Это уже не человек, который говорит, это Бог вещает его гласом. Так говорили святые. Один из подвижников Афона, не так давно умерший – всего

лишь тридцать лет тому назад – говорил: «Святые от себя не говорят; они говорят от Бога, и только». Иоанн отверг все земное для того, чтобы принадлежать Богу, и Господь его вернул к этой земле, Господь не оставил его в далекой пустыне. Господь, когда стал с Иоанном неразлучным, послал его к людям, чтобы и другие люди зажили той жизнью, которую познал Иоанн.

И вот ставится вопрос перед каждым из нас: **есть** ли во мне такая жизнь, которой я могу зажечь другого человека? Где эта жизнь во мне? Когда меня люди встречают, они загораются ли? Когда люди меня слышат, трепещет ли их сердце? – как Евангелие говорит о спутниках Эммаусских: *горело сердце в них*. Когда люди видят нашу жизнь, разве они говорят о нас, как говорили о первых христианах: «**Как** они друг друга любят!» Разве слыша, видя нас, люди дивятся тому, что у нас есть что-то, чего ни у кого нет? А если это так, то мы не пошли даже путем предшественника, мы не готовы принести Христа людям, мы не готовы даже проложить Ему дорожку, чтобы Он нашел как-то путь Себе. А мы призваны быть теми, кто готовит радость людям, радость **встречи** с Богом, радость, которой никогда не будет конца и которой никто, **ничто** не может отнять. Почему это так? Да потому что мы хотим жить на своих правах, мы хотим жить для себя, мы не хотим сходить на нет. А вот что говорит Евангелие о Иоанне Крестителе. Свидетельствуя перед людьми о том, кто он сам есть, Креститель говорит: мне надо умаляться, на нет сходить, для того чтобы **Он** вырос в полную меру... Сам он – только предтеча, он должен открыть дверь и отойти, так, чтобы о нем больше не вспомнили люди, вдруг увидев Христа и все забыв в этой радости.

Сходить на нет, приготовив путь Господень... **Кто** из нас это умеет делать? **Кто** из нас, оживив чью-нибудь душу хотя бы добрым словом, не хочет остаться в этой радости взаимного общения? Кто, сказав животворное слово, иногда нечаян но, когда Господь нам дает, не хочет, чтобы вспомнили и никогда не забыли, что было сказано это слово именно **им**?

Креститель о себе еще говорит: я – *друг* жениха. Что это за друг жениха? В древности, еврейской как и языческой, у жениха был друг, который заботился обо всем для брака, и который после совершения брака приводил к брачной комнате невесту и жениха, оставался за дверью и сторожил, чтобы никто не прервал их глубокой, таинственной встречи в дивной брачной любви. Он был другом, потому что умел остаться за дверью, остаться за пределом. Радость его была совершенна тем, что радость жениха и невесты теперь была совершенна, они остались вдвоем, и он был защитником этой встречи. Еще скажу: **кто** из нас умеет так поступить с чужой радостью? Все сделать, чтобы эта радость случилась, **все** сделать, чтобы она воссияла вечным светом, и отойти, уберечь ее, охранить ее, и остаться **забытым** за закрытой дверью.

Вот еще образ о нем, последний образ. Его умаление, его схождение на нет дошло почти до предела. Он взят в тюрьму за правдивое, честное слово. Христос остался на свободе, Он проповедует, к Нему перешли ученики Иоанновы, Он окружен Своими учениками, Он вырос в полную меру Своего земного призвания. Иоанн знает, что на него идет смерть, что из тюрьмы он не выйдет, и вдруг его охватывает сомнение. Он посылает двух своих учеников ко Христу, спросить Его, – **он**, который на берегу Иордана реки перед всеми засвидетельствовал, **Кто** грядущий Христос – **он** посылает двух своих учеников ко Христу, спросить: *Ты ли Тот, которого мы ожидали, или нам ожидать другого?*.. Иначе сказать: **Ты** ли на самом деле Тот, о Котором я принес свое свидетельство, или я ошибся?.. Если он ошибся, то **напрасно** он погубил юные годы в пустыне, **напрасно** он выходил к людям, **напрасно** он теперь в тюрьме, **напрасно** он умрет, **напрасно** **все**. Напрасно **даже** то свидетельство, которое он принес Христу, и он **обманут** Самим Богом. И колеблется самая сильная душа, которая когда-либо была на земле. И Христос **не** отвечает ему. Христос не отнимает у него полноты подвига веры и подвига **верности до конца**. Вопрошающим Его ученикам Христос говорит: *Скажите Иоанну, что вы видите, – слепые видят, хромые ходят, нищие благовествуют; блажен тот, кто не соблазнится о Мне...* Слова, когда-то, столетиями до этого, написанные пророком Исаией; и ученики возвращаются с этим словом.

Остается Иоанну войти внутрь себя и поставить перед собой вопрос: когда он был в пустыне один перед лицом Божиим, **правда** это была или внутренняя ложь? Когда он вышел из пустыни проповедовать, и потрясал людей, обновлял их жизнь, приводил их к новой жизни, к новизне, к весне духовной – правда это была или нет? Когда он увидел Христа и прозрел в Нем Грядущего – правда это была или нет?.. И Иоанн умер в вере и в безусловной верности.

Как часто бывает, что колеблется наша душа, что после того, как мы сделали **все**, что должны были сделать, сказали доброе слово, правдивое слово, сделали все, что только мы могли, для того чтобы другой человек ожил радостью и воскрес душой и начал жить весенней жизнью вечности, **вдруг** находит колебание. **Устала** душа, меркнет жизнь, клонится наша глава к земле... Стоило ли все это делать? Я не вижу плода, я не знаю, что будет, а погубил-то я столько сил, столько надежды, столько веры, столько любви. Стоило ли все это делать?.. И Господь нам не отвечает на это свидетельством **успеха**. Он нам говорит: Достаточно того, что все это было **правда**, что все это было **добро**, достаточно тебе того, что ты сделал то, что надо было. В этом – все.

И вот, перед каждым из нас стоит этот образ Крестителя. Каждый из нас друг ко другу, к **каждому** другому, послан как предтеча, чтобы сказать слово настолько **чистое**, настолько свободное от себя самого, от себялюбия, от тщеславия, от всего того, что делает каждое наше слово мелким, пустым, ничтожным, гнилым. Делаем ли мы это с готовностью сойти на нет, только бы из **этого** человека вырос живой человек, *невеста* вечной жизни?.. А когда все это сделано, готов ли я сказать с радостью: Да, пусть свершится последнее, пусть и не вспомнят обо мне, пусть жених и невеста встретятся, а я сойду в смерть, в забвение, вернусь в ничто?.. Готовы ли мы на это? Если нет – **как** слаба наша любовь даже к тем, кого мы **любим**! А что сказать о тех, которые нам так часто чужды, безразличны?.. Вот будем часто, часто вглядываться в этот величественный, но человеческий образ Крестителя, и будем учиться, как живет **настоящий, цельный** человек, и попробуем хоть в малом так прожить, изо всех сил, даже если их немного, но без остатка, до последней капли нашей живой силы.

Аминь.

Ответ всей земли. Слово, произнесенное 20 сентября 1968 г., на всенощной под праздник Рождества Пресвятой Богородицы, в Успенском храме Новодевичьего монастыря (Москва)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Всякий праздник Божией Матери – это чистая радость. Это радость не только о любви Божией к нам, это радость и о том, что земля – наша простая, родная, обычная земля – может так ответить на любовь Господню.

В этом для нас радость особенная. Когда мы от Бога получаем милость – ликует наше сердце. Но иногда делается тоскливо: чем, чем мне воздать за любовь, где найти ту святость, ту ласку, ту способность отзываться всем естеством на милость Божию?.. И тогда, хотя мы знаем, что каждый из нас слаб и немощен в любви, мы можем подумать о Матери Божией. Она за всех ответила **совершенной** верой, никогда не колеблющейся надеждой и любовью такой широкой, что Она сумела обнять этой любовью и небо и землю, открыться любовью так, что воплотился Сын Божий, и так открыться любовью к людям, что все, самые грешные, могут к Ней прийти и получить милость. Это – ответ всей земли, это ответ всей Вселенной на любовь Господню.

И вот, будем радоваться, и унесем радость сегодня из этого храма – не на одно только мгновение. Будем ее хранить изо дня в день, будем изумляться этой радости, будем ликовать этой радостью и станем эту радость **давать** людям, чтобы всякое сердце и возликовало, и утешилось, и просветилось **этой** радостью о том, что земля может вместить небо, что человек может ответить Богу так, что Бог стал человеком.

И теперь, из века в век, пока мир стоит, Бог среди нас, Христос Тот же Самый среди нас, изо дня в день. И когда будет проявлена, открыта слава земли и неба, Господь Иисус Христос, истинный Бог, но и истинный человек, будет среди нас пребывать Божией Матерью, Которая дала Ему плоть Свою любовью, верой, святостью, благоговением.

Будем хранить, беречь, растить эту радость и ею жить во дни скорби, во дни темные, во дни, когда нам кажется, что ни на что мы не способны, что ничем не может земля ответить на любовь Божию. **Ответила** земля, и стоит этот ответ вовек с воздетыми руками, молясь о нас всех, и о добрых и о злых, никогда не стоя поперек пути спасения, всем прощая. А Она имеет, что простить: ведь люди Сына Ее убили, – и к Ней мы прибегаем. Потому что если **Она** простит, то никто нас не осудит... С какой верой приходим мы к Божией Матери, как глубока она должна быть, чтобы каждый из нас, который своими грехами и своим недостойством участвует в смерти Христовой, мог бы сказать: Мать, я погубил Сына Твоего, но **Ты** прости... И **заступается** за нас, и милует и спасает, и вырастает во весь рост любви Господней. Слава Богу за это, слава Матери Господней за эту Ее любовь!

Аминь.

Слово, произнесенное на панихиде по отцу Николаю Голубцову 19 сентября 1968 г.

Сейчас мы вознесем наши молитвы о добром вашем наставнике, отце Николае. И хочется мне напомнить вам слова апостола Павла, который пишет коринфянам: *Печать моего апостольства вы есте*. Что это за печать и что это значит для нас, для вас особенно, по отношению к отцу Николаю?

В древности мало кто умел писать. Писал кто-то по просьбе другого, но достоверным это писание делалось тогда, когда тот, от имени кого было написано письмо, клал свою печать в его конце, как мы кладем подпись. В тот момент это письмо приобретало все значение, оно было убедительно, оно могло служить доказательством. И вот, когда апостол Павел говорит: *Печать моего апостольства вы*, – он говорит о том, что сколько бы он ни проповедовал, как бы он ни свидетельствовал о Христе, сколько бы он ни пострадал за это свидетельство – если это свидетельство не принято, если семя брошено на ветер, но не пало ни на какую почву, которая его примет с любовью и даст этому плоду тело, откуда произрастет клас, то все его апостольство, все посланничество его во имя Христа **напрасно**. Это только слова, которыми, может быть, в какой-то мере он сам оправдается, потому что он **страдал** за слово, но эти слова из него подлинного апостола не сотворят.

И вот вы, духовные дети отца Николая, – являетесь ли вы **печатью** его апостольства? Придет день, когда откроются все тайны сердец, когда перед всеми и перед лицом Господним станет ясно, кто сеял, и кто был доброй почвой, и кто остался почвой каменистой, и кто почвой мог бы быть доброй, но взрастил столько сорной травы, столько терний, что доброе семя заглохло. Тогда станет перед всеми воочию ясно, грозно, грустно – а то и радостно – этот вопрос: явились мы или нет печатью **этого** апостольства? Несем ли мы печать этой личности, этого слова, этой жизни, этого примера, этого свидетельства, или нет?.. И тогда грустно будет тем, которые слушали и радовались слову, но не оказались **делателями**. Будет грустно видеть, что напрасно это слово звучало вокруг них, и что они остались без того плода, который только и может быть оправданием апостольства отца Николая и прославлением его.

Человек от плодов труда своего прославляется. Священник не прославляется от **слов**, которые он говорит, а от того, как эти слова, принятые в души человеческие, дают плод; и какая радость думать о том, что жизнь каждого из нас может иметь такое значение для человека любимого и почитаемого. Придет же время, когда мы все станем перед Божиим лицом, и как будет дивно, если, прожив жизнь, которая делает нас достойными любви и радости Господней, мы сможем принести все эти плоды к ногам Христа и сказать: «Господи, я – только почва, слово сеял он, трудился он, все это принадлежит ему, это слава его жизни, он должен воссиять в этой славе».

И когда мы теперь стоим и молимся об упокоении, о радости, о свете для **этой** души человеческой, мы ведь не просим Бога быть несправедливым и дать ей то, чего она не заслужила в жизни своей. Мы приходим **свидетельствовать** о том, что он не напрасно жил. Во-первых, свидетельствовать о том, что он посеял в сердца наши любовь. Любовь неумирающую, любовь, которая все углубляется, все растет, все очищается, все светлеет и объемлет не только его память, но всех вокруг. Свидетельствовать пришли мы тоже о том, что жил он, посеял доброе семя, и вот поле, которое он засеял; а какое мы поле?.. Если это поле доброе, богатое, тогда жизнь, которая как будто прекратилась на земле, оказывается, никогда не прекращалась; эти плоды растут, охватывают новые и новые души; и жизнь и свидетельство пастырства и апостольства отца Николая продолжают во имя Христово в вас, и через вас – все далее.

Вот на чем основана сила нашей молитвы перед Господом, когда мы совершаем панихиду. Если жизнь наша является свидетельством правды наших слов, тогда эта молитва, как стрела, бьет в двери райские, по слову святого Иоанна Лествичника. Но если наша жизнь не свидетельствует об этом, если она свидетельствует только о том, что человек жил, жил Крестом, жил на Кресте, и что мы прошли, слышали и забыли, тогда наши молитвы теперь – как недостоверны и как немощны! И пора, пора опомниться, чтобы наше свидетельство было свидетельством истины и жизни. Тогда наша молитва будет та, о которой говорит Христос в Евангелии: Духом и истиной надлежит нам молиться; не словами едиными, а всей жизнью своей.

Помолимся теперь от всей благодарной любви, от всего благоговения, но уйдем отсюда для того, чтобы принести такой плод, который оправдал бы слова молитвы нашей и сделал нас поистине той печатью апостольства, которой мы призваны быть. Выйдем из этого храма с тем, чтобы творить то дело, к которому мы призваны отцом Николаем; и помните, что среди вас есть такие, которые больше чем другие осиротели его смертью. Окружите их любовью, будьте милостивы друг к другу, и идите в мире, творя дело Божие.

Малая Пасха. Слово, произнесенное в субботу после всенощной 14 сентября 1968 г. в храме святых апостолов Петра и Павла, что в Лефортово (Москва)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Каждое воскресенье – это малая Пасха; потому и называется этот день днем Воскресения. Радостью Воскресения исполним сердца и выйдем сейчас из храма со светом в сердце, со светом в душе, с умом светлым, так, чтобы всякого, кто нас встретит, осияло этим светом Воскресения Господня. Святой Серафим Саровский говорил: заботьтесь о том, чтобы вокруг вас всякая душа радостна была, потому что радостной душе легче найти Бога, а душе горькой – трудно... Если бы мы умели идти в мир, в тот скорбный мир, в котором мы живем, с радостью, если бы вокруг нас всякое сердце делалось тихое, всякое напряжение спадало, если бы было светло вокруг нас, то и о нас говорили бы, как о ранних христианах: «Как они друга любят!» – и спрашивали бы себя: что же есть у этих людей, что их делает бесподобными, делает такими, какими другой человек не может быть? Откуда у них эта радость, которую не может потушить ни холод, ни горе жизни, – **откуда** у них это?.. Если бы только, глядя на нас, люди могли поставить себе этот вопрос, ответ бы дал им Господь. И как грустно думать, что мы часто бываем такие серые, такие тусклые, такие потухшие.

Сейчас мы с такой радостью пели Воскресение Христа. Унесем эту радость из храма в жизнь и будем ее беречь, как берегут на Страстной огонь, который несут из церкви, чтобы ничто его не задуло, – чтобы от этого огня зажечь нам вокруг себя много, много душ: радостью церковной, светом Христовым, огнем духа.

К нам Господь милостив. Не раз только в году мы празднуем Пасху животворную, от которой ликует сердце: из недели в неделю мы ее вспоминаем, не как прошлое, а как событие, которое сейчас случается, торжественно и ликующе находится среди нас. И из недели в неделю неужели семь дней мы не можем пронести этой небесной радости и ее дать **хоть одному** человеку около себя, чтобы возликовало, умилилось хоть одно сердце, утихло хоть одно горе. Попробуем так жить, чтобы наша большая толпа, которая здесь собралась, и во всех храмах Руси, и во всех местах, где веруют во Христа – чтобы все это множество людей вышло, как свечи горящие; тогда вокруг станет теплей, светлей, радостней жить, и другие проснутся к вечной радости.

А завтра соберемся на молитву, и в свете Воскресения войдем в тайну Вечности. Потому что Божественная литургия – это не событие земное, на земле совершающееся, это событие небесное, которое врывается в нашу земную жизнь, это **уже** будущий век. Мы здесь – и с нами Бог, Господь, Святая Троица; Дух Святой действует в нас.

Это так явственно в первых словах, которые дьякон перед началом службы говорит священнику, когда тот приготовил хлеб и вино к освящению. Все готово; народ Божий собрался, готово и сердце людей; и тогда дьякон обращается к священнику и говорит: *Время сотворити Господеви*. Что значат эти как будто мало понятные слова? Из греческого текста ясно, что они значат: Теперь пришло время **Самому Богу** действовать... Мы сделали все, пришли с верой, с надеждой, с сильной любовью; мы приготовили хлеб и вино; мы составили собор церковный. Но то, чего мы ожидаем, человек не может совершить. Не может этот хлеб стать Телом Христа силой и верой человека, не может это вино стать Кровью Господней действием слов человеческих. Это может совершить только Сам Живой Бог. Вот почему Совершитель всякого таинства – Христос, действующая сила, совершающая всякое таинство – Дух Святой. Священник произносит слова, зовет в молитве, действует, он – уста, он – руки; но глас – Господень и сила – Духа Святого.

Вот куда мы собираемся прийти после сегодняшней вечерней молитвы и тихого вечера и благоговейной ночи: в то место, где Сам Христос совершает Божественную литургию, где Дух Святой претворяет хлеб и вино в Тело и Кровь Господни; в то место, где – потому что мы **так** дороги Богу – Он готов нас, **нас-то с вами**, приобщить этому чуду Царствия Божия, пришедшего в силе, и Телу и Крови, и вечности, и полноте этого присутствия Божия на нашей земле.

С каким благоговением, с какой радостью – трепетной, ласковой – должны мы ждать этого времени, как должны мы стоять в храме, когда знаем, что за видимым находится именно это невидимое: присутствие той единственной тайны, которую совершил и вовек совершает Христос. Какая радость!

И что же, после этого – нам бояться? Нам смущаться? Ведь небо на земле, и мы на небе каждый раз, когда Святые Тайны совершаются... Апостолы потому не боялись смерти, что жили вечной жизнью и что для них, как Павел говорит, умереть означало просто совлечься временного своего бытия и вступить в безграничное, бездонное, торжествующее вечное бытие. И нам это дано. Слава Богу за все! Да благословит вас Господь!..

Путь Христов. Слово, произнесенное на литургии 15 сентября 1968 г. в храме свв. апостолов Петра и Павла, что в Лефортово (Москва)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Поздравляю вас снова с праздником Воскресения Христова.

Нам было дано сегодня праздновать как бы малую Пасху, вместе быть в Царствии Божием. Читавшаяся сегодня притча говорит нам о чем-то очень важном. Вечеря, о которой в ней говорится, это ведь образ того праздника вечной радости, к которой нас призывает Господь. Это брак Агнца, тайная вечеря, когда мы будем вовек приобщены к истине Господней; как говорит апостол Петр, *будем причастниками естества Божия*.

Но в сегодняшнем Евангелии нам предупреждение: не всякий, кто будет порываться в это Божие Царство, войдет в него без осуждения. Призванные Христом отказались. У них на земле оказались более важные дела, чем встреча с Господом. Они были отвергнуты, и взамен Господь призвал **всех**, кого Его слуги, ангелы и святые, найдут на путях, на дорогах, на распутьях, на задворках жизни. Всех Он призвал, чтобы Его пир наполнился ликующими. Сытые не нуждались в этом пире, а голодные, те, о которых говорит Евангелие, что они нищие, то есть что они жаждут и голодают, те пришли, – но пришли разное, с разным сердцем. Одни пришли нищие, голодные, обездоленные, с сердцем, полным благодарности и изумления о том, что **их, таких**, какие они есть, Господь призывает, принимает, как Своих родных, взамен званным, близким Своим. Но один оказался такой, для которого встреча была дело неважное, который пришел только насытиться. Ведь среди тех, кого ангелы встретили на путях и дорогах, ни у кого не было при себе брачной одежды. На пиру они оказались облеченными в одежду брачную потому, что, придя к господину, придя к хозяину дома, они от него приняли, как в древности это делалось, умовение ног, перемену одежды. И когда они вошли в брачный пир, нельзя было их отличить от богатого гостя, потому что получили они от хозяина дома одежду достойную и хозяина, и пира самого. Один человек, однако, прошел мимо этого. Не принял он омовения, не принял он одежды, прошел прямо на пир, мимо хозяина, мимо любви его, мимо заботы Его, мимо его гостеприимства, мимо его смирения (вы ведь помните, как на последней Тайной вечери Христос встал и омыл ноги Своим ученикам). Так он вошел – и был извергнут. Потому что в этот пир можно войти, только если любовью, благоговением, трепетом сердечным, ласковой благодарностью стать **своим**, родным для Того Хозяина, Который нас принимает с **такой** любовью.

И мы так же приходим – со всех краев человеческой жизни, и с широких улиц, и с задворков жизни. Приходим мы все нищие, потому что перед славой Божией все мы бездомные, все мы бедные, все мы бродяги земли. Господь нас принимает и, как говорится в Евангелии, словом Своим делает нас чистыми. Когда мы слышим Его слово, и сердце загорается, и вдруг чистота проливается, свет и радость, и новизна жизни проникает в душу, в сердце, в ум, в самое тело, живое и животворное слово Христово нас очищает.

Очищает нас и покаяние наше, сознание того, что нам нет места на этом пиру, потому что мы по своим грехам уже не **свои** для Бога, а только присвоены Им. И Господь нам дает очищение другое: сознай это, пойми, что ты нищий, пойми свое сиротство, пойми, что голодно тебе без Него, покайся, попроси прощения – и Он простирает руку и говорит: «Прощаются тебе грехи твои».

И пусть никто не думает, что грехи его слишком велики, Христос сказал: *кому много прощается, тот много любит...* И Священное Писание нам говорит, что любовь покрывает все грехи, – подлинная любовь, не жадная, не себялюбивая, а та любовь, которая себя отдает

радостью и лаской. И принимает нас Господь, облакает в чистоту, и допускает к причащению Святых Даров.

Сейчас на литургии мы все молитвой или самым делом приобщились этому пиру. Но теперь нам надо из этого храма выйти и куда-то идти. Куда пойдем мы? Куда пошли апостолы Христовы после Тайной вечери? За исключением одного, все пошли со Христом в Гефсиманский сад. Иуда вышел раньше, и было темно там, куда он пошел. Две дороги перед каждым из нас: за Христом, в страшную тьму Гефсиманского сада, где Христос принял в Свое сердце, взял на Свои плечи всю отверженность мира, все отчуждение мира от Бога, всю скорбь, рождающуюся от этого, вырастающую из вражды, из ненависти, из отчужденности людей друг от друга. Апостолы пошли в место темное, потому что там было борение против зла, был кровавый пот, были слезы Христовы, был ужас перед надвигающейся смертью. Но Иуда ушел в другую тьму. Там никакой заботы ни о ком не было, никто его не трогал, он был свой в этой тьме, но остался в ней один, потому что те люди, которые ходят в этой тьме, друг другу не братья, – каждый закован в свое одиночество.

Из тьмы Гефсиманского сада возносилась священническая, жертвенная молитва Христа – не о тех только, которые с Ним пошли, но и о тех, которые в той густой, разъединяющей, слепящей, убийственной тьме готовили Ему смерть... Перед нами эти два пути. Вернее, нет: один только путь перед нами – путь Христов, путь апостольский, путь в Гефсиманию, путь в мир со словом и жизнью, достойными того праздника веры, который мы пережили.

Пойдем же все в этот мир снова с любовью, с теплом, со светом, с готовностью жизнь свою положить, чтобы всякий человек ожил, чтобы радость вернулась тем, кто ее потерял и чтобы эта радость была райская, небесная, Христова.

Аминь.

«Воскресение Христово видевше...» Слово, произнесенное на всенощной в субботу 20 декабря 1969 т. в храме свт. Николая, в Кузнецах (Москва)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Для меня большая радость – молиться с вами в вашем храме. Много раз – недостаточно, однако – мы вместе молились, и всегда это было для меня духовной радостью. Да благословит вас Господь за эти молитвы!

Каждый воскресный день – это малая Пасха. Каждый раз, когда мы под воскресенье или на воскресную литургию собираемся в храм, мы празднуем Пасху Христову. Самое слово «воскресенье» означает жизнь и торжество и победу Господню над злом, над грехом, над ненавистью, над смертью: поэтому с такой радостью из недели в неделю мы живем этим священным, победным днем Воскресения Господня.

Но для нас не всегда так ясно, как то было для апостолов, что этот день может значить в нашей жизни. Посмотрите, что нам в сегодняшнем Евангелии говорится. **Умер** Господь на кресте; ученики в страхе рассеялись – побежденные, в ужасе. Рано утром несколько женщин пришли помазать тело Иисуса Христа во гробе, совершить над Ним те погребальные действия, которые они не смогли совершить в субботу, когда по еврейскому закону запрещалось что-либо делать. И вот, придя ко гробу, закрытому тяжелым камнем, который они не надеялись отвалить, они видят гроб **открытым и пустым**. И они спешат к ученикам с вестью, исполненной страха и тоски: не только убили Господа, но украли Его тело. Даже погребсти Его нельзя с той любовью, лаской, с какой им хотелось это сделать...

И два ученика спешат ко гробу: два совершенно различных человека. Бежит Иоанн, юноша, которого по-человечески особенно как-то любил Господь. Спешит, как юноша, который вдруг услышит, что случилось горе с тем, кого он так горячо любил; и спешит другой ученик, Петр.

Вспомните, что произошло в ту ночь, когда предали Христа. Во время умовения ног апостол Петр, слыша от Спасителя, что Он будет предан, что все Его оставят, сказал Ему: *Если и все Тебя оставят, я готов принять смерть с Тобой...* И Христос печально ему ответил: *На смерть ли ты пойдешь со Мной? Раньше чем петух два раза пропоет, ты три раза от Меня отречешься...* И не поверил Петр. Все-таки понадеялся на свою крепость, на свою силу, и пошел со Христом в Гефсиманский сад. Трех учеников взял с Собой Спаситель Христос, чтобы Его поддержали в этом **ужасе** предсмертного томления, – и уснули ученики. И Петр уснул от тоски и холода и растерянности. Три раза подходил Христос, три раза просил Он **человеческого** участия – и не нашел: спали ученики.

И когда Христос был предан, рассеялись все. Двое последовали за Ним и вошли к Каиафе, но не как ученики Спасителя, а потому что Иоанн был знаком с домом, и его пустили, а он попросил, чтобы пустили Петра. Когда Христа били, истязали, допрашивали, Петр стоял во дворе и грелся у огня. Ему задали вопрос, не ученик ли он Христов, и он ответил: *Нет, не знаю я этого Человека...* И пропел петух; Петр взглянул в сторону окна, и его взор встретился со взглядом Христа...

А дальше – осуждение Спасителя, крестная смерть. Что же мог переживать Петр после того, как умер Господь, как не отчаяние? Ведь мы все знаем, что нас охватывает, когда умрет близкий нам человек, с которым мы враждовали или которого мы просто «не долюбили», оставили умереть одного, без помощи, без поддержки, одиноко. Петр стоял перед тем же: **умер** Христос, **поздно** просить прощения, **нет** надежды, что Он скажет, как столько раз говорил грешникам: **Прощаются** тебе, **отпускаются** тебе грехи... И вдруг – весть о том, что нет тела

Христово во гробе. Может быть, украли, а может быть – Он правду говорил, что в третий день воскреснет? И тогда есть надежда на прощение, на встречу, на то, что ужас предательства будет смыт и снят. Вот почему так он спешит ко гробу, вот почему может у дверей гроба остановиться Иоанн в благоговейном трепете, но не может остановиться Петр, не удостоверившись, что жив Господь, и что, значит, жива надежда для него. И Христос – воскрес. Воскрес Он для Петра и простил, воскрес Он для Иоанна, воскрес для всех тех, которые в эту страшную ночь **спали**, бежали, прятались, впали в отчаяние, были побеждены, рассеяны, как овцы, у которых пропал пастырь.

Вот радость ранних учеников. Когда воскрес Христос, к ним вернулась не только надежда, не только временная жизнь, – **вечная** жизнь им открылась как победа, как радость, как торжество. Ненависть была побеждена любовью, смерть была **смертью** же побеждена. С этой именно вестью ученики пошли во весь мир, не боясь ни истязаний, ни мук, ни креста, ни темниц, ни одиночества. Малое стадо среди волков, они пошли, безоружные, ни с чем, кроме одной вести: **о любви**, кроме одного чувства в сердце: любви к Богу и к людям, которых они готовы были полюбить вплоть до собственной смерти.

Вот завет, который нам оставлен. **Воскрес** Христос; и нам говорит, как ученикам Своим сказал в день воскресения: *Как Меня посылает Отец, так и Я вас посылаю...* Дай нам Господь так пережить Воскресение Христово, чтобы в нас **победоносно, ликующе** торжествовала **жизнь**, чтобы и мы могли пройти через всю нашу жизнь со светом, с теплом, с любовью, чтобы **ни один** человек около нас не остался во тьме, без утешения, без радости. Тогда мы пронесем свет Воскресения Христова, и люди вокруг нас сами воспоют: *Воскресение Христово видевшие...* – как мы только что пели.

Аминь.

Вера в человека. Слово, произнесенное в воскресенье 21 декабря 1969 г. в храме святителя Николая, что в Хамовниках (Москва) после литургии и приветствия о. настоятеля

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Какая радость бывает встретиться! Отец Леонид говорил о том, как нам встречать Христа. Если бы только мы могли, если бы только мы умели так встречать Господа, как простой, сердечной, человеческой любовью мы умеем встречать друг друга, когда в сердце светло и тепло! Вот так, как сегодня, по вашей ласке, милости вашей, Божией и Богородичной любви, мы встречаемся. Давайте же так ждать и встречать Спасителя, являющегося нам плотью в Рождестве.

Скажу еще: обращали ли вы когда-нибудь внимание на то, что все Евангелие – сплошная встреча? Ведь весь рассказ евангельский говорит нам не о каком-то учении, которое преподносится всем равно, безразлично, безлично. Каждое евангельское слово сказано кому-то, каждое событие евангельское – это встреча Христа с какой-то человеческой нуждой, со скорбью, с радостью, с горем, с болезнью, с грехом. Это всегда встреча лицом к лицу. И какая могла бы быть в нас постоянная радость, торжествующая, победоносная радость, если бы мы так воспринимали Евангелие, если бы, читая его, мы просто себе представляли образы. Вот толпа – такая, как мы теперь; иногда большая, как сегодня, иногда совсем маленькая, когда собирались только-только первые ученики. В этой толпе я – затерся где-то и слышу, как Христос говорит. Не обязательно со мной лично, но Он говорит с кем-то: не просто «вещает», не просто говорит кому угодно и никому. Он говорит женщине, у которой сын умер: *Не плачь!* Юноше, который спрашивает, как найти жизнь вечную: *Оставь все, только иди за Мной!* Больным, слепым, грешникам: *Прощаются тебе грехи...* и так далее.

Вот если бы нам помнить каждый раз, как мы слышим Евангельские слова, что они не где-то звучат для других, а говорят мне или при мне – кому-то, кому они **нужны**. Может быть, в этой толпе **один** человек услышит то или другое слово Христово, которое сегодня было прочитано; может быть – многие. А мы все должны с трепетом стоять и думать: Христос говорит – и в чью-то душу входит жизнь... кто-то спасается... у кого-то горе утихает... у кого-то слезы текут... у кого-то **вдруг** разломилось каменное сердце... у кого-то вдруг надежда блеснула, вера разгорелась...

Какая радость – от встречи, от того, что Христос посреди нас. Ибо Воскресение Христово, которое мы с такой радостью поем (и не только в пасхальную ночь, но из недели в неделю в воскресный день), это же событие, которое не просто когда-то произошло, – это событие, которое **нам современно**. Потому что, правда, умер Христос на кресте в определенный год, в определенный день и час, и воскрес Он в третий день после этого; но воскресший Христос **жив**, Он среди нас. И Воскресение Христово, которое когда-то воссияло из гроба, сейчас сияет среди нас то ярко, а то тихим светом, о котором мы поем на вечерне: *Свете тихий святых славы Небесного Отца...* Христос то является нам во славе, а то пребывает среди нас такой тихий, незаметный...

Вот в свете Евангелия и думайте о каждой человеческой встрече именно как о **встрече**; не просто о том, что люди столкнулись да разошлись, прошли мимо – и не заметили, кто мимо прошел. Так в евангельской притче о милосердном самарянине проходили бесчувственный левит и безответственный священник. А мы должны, как самарянин, остановить свой взор на **каждом**, никого не пропустить незамеченным, и когда слушаем – **слышать**, а не просто

воспринимать звуки слов. Если бы только мы умели встречаться! По-сербски слово «встреча» значит «радость», а встречу они называют «сретением» – тем словом, которым мы называем праздник, когда Божия Матерь принесла Спасителя в храм и была встречена – пророческим приветствием и Живым Богом. Встреча всегда могла бы быть радостью, если бы только мы умели встречаться.

Мы с вами – **встретились**. Сколько лет тому назад впервые я имел счастье молиться здесь, и вы меня встретили, как брата, как своего, не как чужого человека. И с тех пор мы ведь никогда не разлучались. Да, я уезжал за границу, но уезжал-то с вами в сердце, а вы оставались и, видно, тоже не забывали, потому что иначе мы никогда не встретились бы вновь с такой радостью.

А основная встреча евангельская – о ней все-таки хочу сказать – это встреча со Христом, с Богом, явившимся нам во Христе. Каково это явление? О Боге мы думаем в контексте славы, величия, как на иконах пишут Вседержителя. О таком Боге можно думать и молиться Ему в трепете; но Бог захотел нам явиться так, как ни один человек не мог себе Его вообразить, или представить, или даже подумать. Потому что Бога беспомощного, Бога смиренного, Бога уязвимого, побежденного, битого, мучимого, Бога *как будто* убитого никто себе не мог представить. **Этот Бог нам явился**. Он нам показал, что нет такой бездны, которая для Него слишком глубока, нет такой обездоленности, которая превосходит Его способность все отдать, всего Себя, до конца, чтобы поделиться с нами тем, что Он Сам есть: Жизнь вечная, вечная Радость, Сияние и Свет, Истина и Торжество. Этого Бога можно познать, только когда обездоленность, горе, несчастье, одиночество, сиротство вдруг нас охватят и будут держать в своих тисках.

Нам, оказавшимся за границей в двадцатые годы, Он открылся именно так. Мы оказались без Родины, отделенные от всего, что мы любили, от самых любимых и родных, чужими на чужой стороне, лишними и нежеланными; ничего не оставалось, кроме убожества. И **вдруг** мы обнаружили, что у нас есть Бог, Которого нам нечего стыдиться и Который нас не стыдится. Не великий Бог иконный, а тот смиренный Господь, Который стал человеком – хрупким, презренным, родившимся в маленьком городке небольшой страны, оккупированной врагами, порабощенной, – Раб бездольный. И мы обнаружили, что Он с нами может пойти в самую бездну нашего горя. Он все изведal, до самого края нашей обездоленности, Он гораздо дальше пошел, чем край, предел нашей обездоленности. Вдруг оказалось, что Он такой простой, такой родной, такой свой. Тогда стали понятны слова апостола: *вы Богу уже не чужие, а свои...* Не потому что мы такие великие, а потому что Бог смирился, ибо Он нас так любит.

И думалось: да, в горе; а что во грехе? что если вдруг падение? Неужели тогда Бога не найти? И прозвучали снова слова апостола Павла: *Там, где изобилует грех, преизобилует благодать...* В самой глубине падения мы нашли Христа – спасающего, утешающего, призывающего жить, говорящего: Разве ты не видишь – **Я верую** в тебя так, что Сам стал человеком, подобным тебе, чтобы ты мог **поверить** в Мою веру в человека, в Мою любовь.

В любовь мы могли верить; но иногда так трудно поверить, что вам верят и в вас верят. Любить можно и с какой-то долей, скажем, презрения, свысока. А верить в человека можно только с благоговением. И воплощением Своим Христос нам говорит: В каждого из вас, кто **здесь**, в каждого из вас, кого **здесь** нет, кто Мне будто чужд, кто Меня не познал, кто даже образ Божий как будто потерял – в каждого Я верю так, что готов всю Свою жизнь истощить и отдать, чтобы он поверил в Божию веру в человека.

Вот на чем мы стоим; вот о чем нам говорит воплощение Господне. Да, Он стал человеком, чтобы мы могли поверить в себя и поверить в брата. А если так, то мы все можем встретиться лицом к лицу; нам не надо отворачиваться от одного, для того чтобы взглянуть в другого. Каждому поверил Господь Свою жизнь и смерть. Это – встреча. Да, это встреча, из которой можно извлечь спасение, жизнь, радость. Давайте ждать Христа как того, кто единственный поверил в каждого из нас – не потому что не знал, **кто** мы, а именно – зная о нас

все, до самого глубокого нашего падения, не только на деле, но и в чувстве, в мысли, в попользовании. Христос как бы говорит: смотри, **Я** воспринимаю плоть человеческую, делаюсь человеком, чтобы ты знал и верил: **Я верую** в тебя, человек; становись по образу и подобию, к которому ты призван: Человеком, как **Я**...

Встретим Христа с этой верой, с ликованием, хотя бы с надеждой, что даже у самого обездоленного есть кто-то, кто в него верит **без конца**, без границ, вплоть до крестной смерти.

А друг друга станем встречать, как нас учит апостол Павел: *Принимайте друг друга, как вас принял Христос*, – не ожидая, чтобы сосед, ближний стал лучше, более похож на нас, более нам близкий, а какой он есть; ибо если любовью охватить человека, как пожаром, и **он** переменится, и он растает, и он станет **человеком**.

Дай нам Господь **такую** веру в человека пронести через всю жизнь, через весь мир, верующий и неверующий, чтобы каждый человек знал: когда сам он потеряет веру в себя, в него верит не только Небесный Бог, но и всякий человек, который назвал себя христианином.

Аминь.

Нечаянная радость. Слово, произнесенное на всенощной под праздник иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» 21 декабря 1969 г. в храме св. мч. Феодора Стратилата (Антиохийское подворье в Москве)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хочу поздравить вас с днем «Нечаянной Радости». Сколько у нас могло бы быть нечаянных, неожиданных для нас радостей, если бы мы сердцем совсем открытым воспринимали все, что нам дается в жизни. Беда в том, что мы обедняем свою радость, считая ее естественной, а горе – помрачением того, что должно быть в жизни. Мы **ожидаем** радости, мы требуем радости, и когда она нам не дается, мы делаемся душевно тусклыми, печальными, темнеем.

А вместе с тем, сколько радостей в это же самое время проходит совершенно незамеченными. Мы все считаем свое тело своей собственностью, своим достоянием; оно **должно** нам служить верой и правдой, должно быть безболезненно. А люди, много и долго болевшие, вдруг выздоровев после многолетних страданий, чувствуют, что тело – такое дивное. Как бывает удивительно для человека, который годами еле мог двигаться – что он ходит, еле стоял – что он может стоять, еле мог дышать – что он свободно дышит, и так далее. Чтобы жизнь наша была богата радостью именно *нечаемой* нами, такой радостью, о которой мы и не думаем, мы в первую очередь должны научиться **никакую** радость не считать естественной, полагающейся, долгом Божиим по отношению к нам, должны уметь дивиться каждой радости, которая приходит. Ведь каждая радость – это знак ласки Божией или человеческой ласки и любви. Если бы только мы задумались над тем, сколько труда, заботы Божией и человеческой за тем куском хлеба, который мы едим – как мы этот хлеб держали бы в руке, **дивясь**, что этот хлеб, по слову одного нашего русского молодого богослова, – это Божия любовь, ставшая для нас пищей. И так – воздух, так – тело, так – ум, сердце, все.

И вот мне хочется сказать вам об одной особенной, действительно нечаянной радости, которая случилась в нашем лондонском патриаршем приходе именно теперь, вблизи от праздника «Нечаянной Радости». В какой-то день после богослужения ко мне подошел в волнении церковный сторож и сказал: «Владыко, Иверскую украли!..» Небольшую Иверскую икону Божией Матери XVII века украли во время службы. Что делать? Я ему сказал молчать и молиться о том, чтобы она вернулась. Я ее заменил другой иконой, – через две недели пропала и та во время службы. Сторож доложил мне. Я молился во время литургии: что нам делать? И в конце службы я вышел к народу и сказал: «Вот что случилось, – два раза подряд какой-то человек во время богослужения украл иконы. Мы можем отнестись к этому двояко: или видеть в этом кощунство и молить Бога, чтобы Он наказал преступника; или задуматься над тем, что может человека побудить совершить **такое** дело. Что у такого человека делается в душе, если он приходит в церковь, где люди молятся, где все открыто, уязвимо, беззащитно, и вот – уносит образ. Как страшно за него, и как **больно** за него, и как **жалко** его!». И мы поставили: молиться о нем. Молиться просто о человеке, о котором мы ничего не знали, кроме того, что он украл дорогие нам иконы. Не драгоценные, а дорогие, потому что все иконы в нашем храме кем-нибудь даны от убожества своего. И еще о том молиться мы постановили, чтобы эти иконы принесли благословение и тому, кто их взял, и тому, кому они достанутся. Так мы молились в течение около полугода.

В какой-то вечер ко мне постучался человек и говорит: «Владыко, исповедоваться хочу». Не знаю почему, но я ему сказал: «Нет, я не буду слушать твоей исповеди; ты мне скажи: что ты

сделал и почему ты пришел?» Он ответил: «Хорошо; я украл ваши иконы и надеялся получить от вас разрешение...» Я сказал: «**Так** ты его не получишь. Скажи: ты еще у кого-нибудь крал, много крал?» – «Да». – «Так ты вернись домой, собери **все**, что ты украл, и иди из дома в дом, звони и говори людям, твоим друзьям (потому что крал-то он у друзей своих; он не такой вор, чтобы красть с опасностью), пойди к каждому из твоих друзей, кто тебе доверился и был обманут тобой, и скажи: „Я тебя обманул; теперь я тебе принес краденое, – прости!..“ И я прибавил: „Будь готов, что тебя могут не простить, что тебя могут выгнать вон, вызвать на суд, – будь к этому готов и скажи с радостью „да“. Он пошел, сказав: „Часов до одиннадцати придется ходить“. Но в одиннадцать он не пришел. Я его ждал и до полуночи, и дальше, и болела душа: значит, испугался, значит, этот **порыв** у него умер перед страхом, перед стыдом, – ложным стыдом, потому что перед Богом стыда-то не было, а перед людьми испугался. Я молился, как умел. А на следующее утро, уже в двенадцатом часу, он снова постучался в дверь. „Что же ты вчера не пришел?“ – „Слишком много кражи было, весь вечер ходил, все утро ходил; теперь возьмите и ваши две иконы“. Тогда я его взял исповедоваться. Молились; я ему дал разрешительную молитву. Это было именно сразу после праздника „Нечаянной радости“; а в следующее воскресенье я говорил в приходе проповедь о том, что Божия Мать сделала, как Она сумела превратить преступление в новую радость, в **нечаянную** радость, в нежданную, негаданную радость. Ведь подумайте: Она **действительно** с ним пошла, Она действительно возбудила в его сердце покаяние, Она действительно его привела обратно, к Сыну Своему и Богу, как раз перед Рождеством Христовым, тем днем, когда Христос стал человеком, чтобы спасти **погибших**.

Вот вам пример. Пример богатый, потому что он говорит не только о том, как человек может каяться, но и о том, как мы можем надеяться против всякой надежды, любить там, где так и напрашивается гнев, раздражение, обида, – любить **безумно**. Потому что все Евангелие, в сущности, «безумие» по суду человеческого. Так по-человечески не живут, так живут только по-Божьи.

Какую радость Господь нам дал! Этой радостью хочу с вами поделиться. Этот Миша, который крал иконы, теперь прислужник в приходе, наш, вернее, не наш – **Божий**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.